

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ДНЕВНИК АННЫ ФРАНК»

Иосиф Лахман

В первый раз я прочёл «Дневник Анны Франк» ровно 50 лет назад. Многие, вероятно, помнят: это была тонкая книжка в мягком переплёте, с предисловием Ильи Эренбурга. Вышла она в Советском Союзе в 1960 году, с опозданием на 13 лет после первого издания в Европе. Это было время краткой хрущёвской «оттепели». В магазинах и библиотеках стали появляться книги, журнальные и газетные статьи, в которых раскрывались преступления сталинского режима. Однако еврейская тематика, в том числе тема Холокоста, уничтожения миллионов евреев на оккупированных нацистами территориях, по-прежнему тщательно избегалась. Слово «евреи» в книгах и статьях о гитлеровских преступлениях неизменно заменялось словами «советские граждане». В моем родном местечке Дунаевцы лишь в годы горбачёвской перестройки удалось на памятнике заживо погребённым 3000 евреев заменить слова «советские граждане» на слово «евреи».

И тут в книжных магазинах появился «Дневник Анны Франк». В нём 13-15-летняя девочка поведала о преступлениях гитлеровцев и их приспешников против еврейского народа. «За шесть миллионов, - писал Эренбург, - говорит один голос – не мудреца, не поэта – обыкновенной девочки». Значение дневника как сильнейшего свидетельства варварских преступлений нацизма отмечали многие выдающиеся политики и деятели культуры. Президент США Джон Кеннеди посвятил ему следующие слова: «Из всех неисчислимых голосов, взывавших к человеческому достоинству во время величайших страданий и катаклизмов, нет голоса более пронзительного, чем голос Анны Франк».

Джон Кеннеди, Илья Эренбург и многие другие, конечно, правы, оценивая дневник как исключительно важный антинацистский документ. Однако с утверждением Эренбурга, что Анна Франк – не поэт и не мудрец, я позволю себе не согласиться.

Нет, не обыкновенная девочка была Анна Франк! Не по своим годам она была и поэтом, и мудрецом. И когда в полной мере осознаешь это, стократ сильнее боль от безвременной гибели этого невероятно талантливого, подававшего большие надежды подростка.

Мы часто с горечью говорим: сколько могло бы вырасти великих деятелей науки и культуры из полутора миллионов загубленных нацистами детей. Мы этого, разумеется, не знаем. Но Анна Франк, останься она живой, бесспорно, прославилась бы наш народ и как поэт, и как мудрец. Для подтверждения своих слов мне придётся часто обращаться к тексту дневника. Но уверен: выдержки, которые приведу, доставят вам истинное наслаждение.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению дневника, кратко о его предыстории.

В конце 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия жила в Германии благополучная еврейская семья: отец – Отто Франк, мать – Холландер Франк, их две дочери – Марго и Анна. Предки Отто Франка жили в различных городах Германии с XVII века, и Отто имел на эту страну больше прав, чем бесноватый фюрер, который родился в Австро-Венгрии. Однако после прихода Гитлера к власти в 1933 году Франкам, как и всем евреям в Германии, жить стало небезопасно. Предвидя репрессии нового режима против евреев, Отто не стал дожидаться их массового проявления и покинул страну. Он эмигрирует в Амстердам (Голландия), где учреждает фирму по производству джема. Вскоре к нему присоединились жена и обе дочери. Несмотря на рост напряжённости в Европе в связи с воинственной пропагандой и агрессивными действиями гитлеровской

Германии, семья Франков живёт в Голландии нормальной жизнью. Анна впоследствии будет вспоминать это время как лучшие годы. До шести лет она посещает детский сад при школе Монтессори, а затем становится ученицей этой школы.

Наступает 1940 год. В мае Германия оккупирует Голландию. Перед самым вторжением немцев королева Вильгельмина и её кабинет бегут в Англию, и в стране формируется прогерманское правительство. Оно сразу начинает проводить дискриминационную политику по отношению к евреям. 13-летняя Анна в деталях, как пытливый историк, описывает проявления этой политики: «После мая сорокового года пришел конец хорошим временам: сначала война, потом капитуляция, вторжение немцев, и для нас, евреев, начались мучения. Законы против евреев последовали один за другим, и нашу свободу резко ограничили. Евреи должны носить жёлтую звезду; евреи должны сдать велосипеды; евреям нельзя ездить в трамвае; евреям нельзя ездить в автомобилях, даже в частных; евреям можно делать покупки только от трёх до пяти; евреям разрешено ходить только к еврейскому парикмахеру; евреям после восьми вечера и до шести часов утра нельзя выходить на улицу; евреям нельзя появляться ни в театрах, ни в кино, ни в каких местах для развлечений; евреям нельзя ходить ни в бассейн, ни на теннисный корт, ни на хоккейное поле, ни на другие спортплощадки; евреям нельзя заниматься греблей, евреям вообще нельзя заниматься никаким спортом в общественных местах; после восьми вечера евреям нельзя сидеть в своём саду, ни в саду своих знакомых; евреям нельзя ходить в гости к христианам; еврейские дети должны ходить в еврейские школы, и прочая, и прочая» [1].

Конечно, это были лишь цветики. Отто Франк прекрасно понимает, что перечисленными дискриминационными мерами германские нацисты и их голландские коллаборационисты не ограничатся. Он прилагает колоссальные усилия, чтобы добиться визы в Америку. Однако ни его близкие американские родственники, ни друзья из еврейского истеблишмента не в силах ему помочь. Рузвельтовское правительство установило строжайшие ограничения на въезд в Штаты.

В соответствии с новыми порядками в стране Анна вынуждена покинуть школу Монтессори. Она поступает в Еврейский лицей. Здесь ей тоже неплохо. У нее много друзей. Несмотря на все дискриминационные меры властей, жизнь продолжается...

12 июня 1942 года Анне исполнилось 13 лет. Среди множества подарков ко дню рождения одним из самых лучших для неё оказалась толстая тетрадь в картонном переплёте. Анна решает использовать её для ведения дневника. В тот же день в нём появляется первая запись: «Надеюсь, я смогу тебе всё доверить, как не доверяла ещё никому, и надеюсь, что ты будешь для меня большой поддержкой» (с. 11). Свой дневник она ведёт в виде писем к Китти, своей, как бы мы сейчас сказали, виртуальной подруге.

Через несколько дней после тринадцатилетия Анны в жизни семьи Отто Франк происходит резкий поворот. На имя Марго из гестапо приходит повестка. Франки прекрасно понимают: это не что иное, как приговор к депортации в концентрационный лагерь. Семья решает немедленно переселиться в заранее подготовленное убежище. Здесь в течение 782 дней, вплоть до ареста и отправки в концентрационный лагерь, Анна регулярно ведёт записи в дневнике. Последнее письмо датировано 1 августа 1944 года. Через три дня, 4 августа, по чьему-то доносу, семья Франк и ещё четыре прятавшихся с ними еврея были арестованы и отправлены в концентрационный лагерь Вестерборк (Голландия), откуда вскоре были депортированы в Освенцим. В октябре того же года Анна и Марго были переведены в Берген-Бельзен. Весной 1945 года обе сестры умерли здесь от истощения и тифа.

Из всей семьи в живых остался лишь Отто Франк. По окончании войны он возвращается в Амстердам. Здесь он встречает двух человек, помогавших восьми «нелегалам» прятаться более двух лет в здании фирмы Отто. Эти самоотверженные

голландцы – Мип Хиз и Элизабет Фоскёйл – передают Отто найденную ими в убежище рукопись Анны.

Готовя дневник к печати, Отто Франк, по разным соображениям, не включил в книгу примерно 25 процентов оригинального текста. Редакторы русского перевода, в свою очередь, внесли в текст дополнительные сокращения.

В 1980 году вышел из печати новый вариант книги, в котором восстановлены все предыдущие сокращения. С этой книги сделан новый русский перевод. Книга стала существенно больше издания 1960 года. Но дело не только и не столько в количестве страниц в том и другом издании. Как я установил при сравнении обоих переводов, в первом издании были опущены целые письма и много мест из других писем, представляющих особый интерес для характеристики художественных достоинств творения Анны. Я цитирую книгу, изданную в Москве в 2007 году издательством ТЕКСТ*ЛЕХАИМ под названием «Анна Франк. Убежище. Дневник в письмах. 12 июня 1942 года – 1 августа 1944 года».

Роман в письмах

Дневник Анны Франк можно смело назвать романом в письмах. В нём есть всё, что присуще истинному художественному произведению: эмоциональное переживание автора, достоверное изображение среды обитания действующих лиц, глубокое раскрытие их характеров, поэтическое воспевание любви.

Следует отметить, что Анна Франк сама довольно рано осознала, что может и должна стать известным писателем. В 13-летнем возрасте она ещё сомневается, будут ли интересны её записи: «Мне кажется, что позже ни мне самой, ни кому-нибудь другому не будут интересны признания тринадцатилетней школьницы. Но на самом деле это неважно, просто мне хочется писать, и больше всего – высказать откровенно и абсолютно всё, что у меня на душе» (с. 15). Со временем (а «времени» - всего два года!) уверенность в своём призвании растёт. В неполных 15 лет она записывает в дневник: «Ты спрашиваешь о моих увлечениях... Их у меня вагон и маленькая тележка. Прежде всего – писать, но это, собственно, уже не увлечение, а нечто более серьёзное» (с. 222), а в 15 лет – полная уверенность в своём будущем занятии: «Больше всего хочу стать когда-нибудь журналисткой, а потом знаменитой писательницей» (с. 259).

В «Дневнике» с удивительной достоверностью описан быт прячущихся в убежище. Приведу лишь два примера.

«Скрываясь, переживаешь странные вещи! Представь себе, из-за того, что у нас нет ванны, мы моемся в тазике, и так как горячая вода есть только в конторе (я всегда так называю нижний этаж), то мы, все семеро, ходим туда по очереди пользоваться этим большим достоянием. Но так как мы все семеро ещё и такие разные и проблема стеснительности для некоторых стоит выше, чем для других, то каждый член семейства нашёл себе особое место для купания. Петер принимает ванну в кухне, хотя там стеклянная дверь. Если он собирается принять ванну, то посещает нас всех по очереди и сообщает, что ближайшие полчаса мы не должны ходить мимо кухни... Менеер же моется наверху. Безопасность в своей собственной комнате возмещает ему труд тащить горячую воду по всем лестницам. Мефрау пока вообще обходится без ванны, она выжидает, какое место будет самым лучшим. Папа моется в кабинете директора, мама на кухне, за печной перегородкой. Марго и я предпочли плескаться в передней конторе. По субботам днём там закрывают занавески, и тогда мы совершаем омовение в темноте, а пока та, которая ждёт своей очереди, смотрит сквозь щёлку в занавеске на улицу и изумляется смешным людям» (с. 48-49).

«С того времени, что мы здесь (почти год.- *И.Л.*), на нашем столе одна и та же клеёнка, которая от постоянного употребления стала очень грязной. Я часто пытаюсь хоть немного привести её в порядок тряпкой, в которой столько дыр, что её уже и тряпкой не назовёшь, новой была давным-давно, задолго до того, как мы стали скрываться; но как усердно ни три стол, всё же не очень-то многого добьёшься. Ван-Дааны всю зиму спят на фланелевой простыне, которую здесь выстирать невозможно, потому что стиральный порошок, по карточкам, слишком большая редкость, и, кроме того, он никуда не годится. Папа ходит в обтрёпанных брюках, и галстук его тоже говорит об износе. Мамин корсет сегодня лопнул от старости, и починить его больше нельзя, а Марго носит бюстгальтер, который ей мал на два номера. Мама и Марго всю зиму проносили на двоих три рубашки, а мои мне так малы, что даже до пуза не достают...» (с. 93).

А сколько необыкновенного лиризма на страницах «Дневника»!

Любуясь из маленького оконца убежища недоступной ей природой, Анна пишет:

«Глядя на небо, облака, луну и звёзды, я становлюсь спокойной и терпеливой. Это средство действует гораздо лучше, чем валерьянка или бром, перед лицом природы я смиряюсь и готова мужественно переносить все удары!..» И в заключение – замечательный афоризм: «Ведь природа – единственное, что не терпит суррогата» (с. 279).

А с каким лиризмом Анна описывает зарождающуюся и крепнущую любовь к находящемуся с ней в убежище мальчику: «Я сидела, прижавшись к нему, меня захлестнуло волнение, слёзы навернулись на глаза, одна упала ему на комбинезон, другая побежала вдоль носа и тоже капнула к нему на комбинезон. Заметил ли он? Он не выдал этого ни одним движением. Чувствовал ли он то же, что и я? Он почти не произнёс ни слова» (с. 215).

Или: «Что может быть прекраснее на свете, чем из открытого окна смотреть на природу и слушать пение птичек, ощущать солнце на своей щеке и держать в объятиях милого юношу? Как спокойно и надёжно я чувствую себя, когда он обнимает меня, когда мы молча прижимаемся друг к другу; тут не может быть ничего плохого, раз я так спокойна, значит, всё хорошо» (с. 238).

Тысячи и тысячи поэтов и философов писали о своем понимании (или непонимании) такого загадочного явления, как любовь. Анна пишет, что «любовь, в сущности, нельзя выразить словами». Но вслед за этим всё же старается раскрыть, в чем, по её мнению, суть этого явления: «Любить – значит понимать человека, испытывать к нему большую нежность, делить с ним радость и горе. А потом ко всему этому должна прибавиться плотская любовь, в ней ты чем-то делишься с любимым, что-то отдаешь, что-то получаешь, неважно, замужем ты или нет. И уж совсем неважно, потеряешь ли ты свою честь или нет, лишь бы ты знала, что на всю оставшуюся жизнь у тебя есть близкий человек, который тебя понимает и которого тебе ни с кем не придётся делить» (с. 179). И ещё: «На мой взгляд, совсем неплохо, если люди принесут с собой в брак немного опыта...» (с. 198).

Не верится, что писала всё это 15-летняя девочка, а не умудрённый годами и жизненным опытом человек.

Мудрости Анны Франк

Элеонора Рузвельт в предисловии к американскому изданию дневника отметила: «Эта книга – один из мудрейших комментариев о войне и её влиянии на поведение человека» [2]. Прекрасно сказано! Но и в эту авторитетную оценку приходится внести поправку. Говоря о мудрости автора дневника, Э. Рузвельт ограничивает её тематикой войны. Подобная оценка существенно обедняет достоинства дневника. Внимательно читая

его, находишь не только серьёзные, не по годам, рассуждения о войне и поведении людей в экстремальных условиях, но и множество мудрых мыслей, выходящих за пределы «военной тематики», мыслей-афоризмов, которые сделали бы честь любому заметному писателю или философу. Приведу лишь часть из них.

«Чем дольше скрываешь правду, тем труднее её услышать» (с. 90).

«Только тогда хорошо узнаёшь человека, когда один раз с ним поссоришься по-настоящему. Тогда лишь сможешь судить о его характере» (с. 48). (Девочке 13 лет).

Небольшой комментарий к этой цитате. У евреев существует древнее изречение, в каких трёх случаях раскрывается характер человека. На иврите оно сформулировано тремя словами, начинающимися буквой «к»: касс, кис, кос, что означает злость, бумажник, рюмка. Вряд ли 13-летняя девочка знала это изречение, и можно смело предположить, что вывод о том, что человек познаётся в ссоре, она сделала на основе своих собственных наблюдений. По молодости лет она ещё не имела опыта общения с людьми, у которых приходится просить деньги, и с пьяными. Поэтому подметила лишь первую ситуацию триады.

Продолжаю цитировать дневник.

«Против наследственности бороться почти невозможно» (с. 20).

«Богатство, почёт – всё внешнее можно потерять, но счастье в твоём собственном сердце может лишь временно замутиться, оно вернётся, и ты будешь счастлив всю жизнь» (с. 175).

«Пока у человека есть чувство счастья внутри – счастья от наслаждения природой, от ощущения здоровья и ещё от многого другого, – пока человек носит в себе это чувство, он всегда будет счастлив» (с.175).

«Слёзы могут доставить облегчение, если кому-нибудь можешь поплакаться» (с.139).

«Вот разница между мамой и мной. Она советует тому, кто в тоске: “Подумай обо всех бедах, существующих в этом мире, и радуйся, что они не случились с тобой”. А я советую другое: “Поезжай за город, в поля, на природу, на солнышко. Поезжай за город и попытайся возродить в себе чувство счастья; вспомни обо всём прекрасном, что растёт внутри и вокруг тебя, и будь счастлив” (с.187).

«Родители могут только давать хороший совет или наставление, но окончательно формирует свой характер сам человек» (с. 289).

«Где есть надежда, там есть жизнь».

«Чувства силой не отогнать» (с. 138).

«У людей, которые краснеют, поднимается температура, а от этого они ещё больше взвинчиваются и быстрее проигрывают противнику» (с.47).

«Дурак, как правило, не выносит, когда другие делают что-либо лучше, чем он» (с. 277).

«Человек может быть одинок, несмотря на любовь многих, если он всё-таки ни для кого не является «самым любимым» (с. 140).

Как в любом истинно художественном произведении, в дневнике немало юмора.

Так, описывая свои не совсем простые взаимоотношения с другими нелегалами убежища, Анна заключает: ««Я очень стараюсь всё делать таким образом, чтобы ливень наставлений превратился в моросящий дождь» (с. 98).

Или о салютах в Москве: «В Москве так часто стреляют из орудий, производя салют, что, наверно, каждый день город содрогается, уж не знаю, то ли им приятно, как будто война идёт совсем близко, то ли они не могут придумать другого способа выразить свою радость» (с. 218).

Совсем не по-детски Анна пишет о преступном попустительстве Гитлеру перед Второй мировой войной. Вслушайтесь в её слова: не звучат ли они актуально сегодня?

«Никто не мыслит дальше своего носа... Англичане проспали все те годы, когда Германия вооружалась, но и другие страны, граничащие с Германией, проспали их тоже. Страусовая политика до добра не доводит, в этом убедилась Англия, и убедился весь мир, и теперь все страны одна за другой, и Англия не меньше других, должны нести суровую расплату» (с. 265).

Дневник как зеркало самоидентификации евреев Западной Европы

В биографиях Анны Франк часто говорится о том, что её семья, как и семьи других евреев-либералов (т.е., по существу, подавляющая часть немецких и, вообще, западноевропейских евреев), не соблюдала традиции и обычаи иудаизма. Внимательное прочтение дневника позволяет усомниться в подобном утверждении.

Анна Франк довольно часто обращается к таким темам, как отношение её семьи и остальных обитателей убежища к религии и их самоидентификация как евреев.

Анна пишет: «Я не чрезмерно религиозна» (с.285). Слова «не чрезмерно» несут здесь большую смысловую нагрузку. Да, она, её семья и семьи её окружения «не чрезмерно» религиозны. Но это отнюдь не означает, что все они порвали с еврейскими традициями и вообще не чувствуют себя евреями.

Не будучи «чрезмерно религиозной», Анна замечает: «Мне не нравится, когда отрицают религию» (с. 278).

Обитателям убежища отнюдь не чужды еврейские праздники. В дневнике описано, как они отмечают праздник Ханука. Правда, они также отмечают День Святого Николая и Рождество.

Далее, Анна пишет, что каждый вечер к ней перед сном заходит отец, чтобы вместе помолиться на ночь (с. 89).

В минуты грусти Анна обращается к богу: «Вчера я стояла на верхней ступеньке лестницы, по небу сновали немецкие самолеты, и чувствовала, что предоставлена самой себе и не могу рассчитывать ни на чью поддержку. Мой страх исчез, я поглядела на небо и поручила себя Господу» (с. 160).

И ещё две любопытные цитаты на эту тему.

«Чтобы дать и мне возможность начать что-то новое, папа спросил Клеймана (один из тех, кто помогал обитателям убежища. -И.Л.) о библии для детей, чтобы наконец-то что-нибудь узнать о Новом Завете.

- Ты хочешь Анне подарить Библию к Хануке? – спросила Марго (сестра Анны. – И.Л.), немного озадаченная.

- Да... э-э, я думаю, что День святого Николая – более подходящий случай, – ответил папа.

Ведь Иисус не подходит к Хануке!» (с. 129).

Второй отрывок: разговор четырнадцатилетней Анны с семнадцатилетним юношей – обитателем убежища: «Я спросила, собирается ли он креститься, но он сказал, что нет. Он всё равно не сможет чувствовать как христианин» (с. 170).

Любопытны строки, в которых Анна выражает своё понимание роли религии в жизни человека (не забудем при этом, что пишет 15-летняя девочка): «Верующие – счастливые люди, не всякому дано верить в нечто потустороннее. Не обязательно даже бояться посмертной кары; как раз в чистилище, ад и рай многие не верят, и всё же религия, всё равно какая, не даёт человеку сбиться с пути. Дело тут не в страхе Божиим, а в заботе о собственной чести и совести». И в заключение замечательный афоризм: «Чистая совесть даёт силу» (с. 285).

Ещё отчётливее в дневнике говорится о самосознании и самоидентификации обитателей убежища. Да, они живут и работают в Голландии, они искренне преданы

стране, которая их приютила. «Я люблю голландцев, - пишет Анна, - люблю нашу страну, люблю её язык и хочу здесь работать» (с. 231). Но они в полной мере чувствуют свою принадлежность к еврейскому народу. Об этом Анна пишет недвусмысленно: «Мы не можем быть только голландцами, или только англичанами, или людьми какой-нибудь другой нации, наряду с этим мы остаёмся евреями – должны, но и хотим оставаться евреями» (с. 231). И там же: «И если мы терпим все эти напасти, то, если только все евреи не будут уничтожены, когда-нибудь из проклятых и отверженных они превратятся в образец для подражания. Кто знает, быть может, когда-нибудь именно наша вера научит добру всё человечество, все народы, и ради этого одного стоит пострадать» (с. 231).

В своём дневнике Анна с горечью отмечает рост антисемитизма во время войны: «Нам очень горько и страшно слышать, что отношение к нам, евреям, у многих людей изменилось и теперь перешло в свою противоположность. Мы слышали, что антисемитизм появился в таких кругах, где раньше этим и не пахло. Мы все восемь человек здесь в Убежище больно, очень больно этим задеты» (с. 265).

Заключение

Когда вышел на экраны фильм «Чапаев», мне было 13 лет. Помню, я очень переживал, когда раненый Василий Иванович утонул в реке. А ребята помоложе по несколько раз ходили на этот фильм, надеясь, что Чапаев всё-таки выплывет...

Я вспомнил эту старую историю, когда приближался к концу дневника. Как и те ребята 30-х годов, переживавшие за Чапаева, я страстно хотел, чтобы Анна осталась в живых и продолжала писать свой замечательный дневник...

Читая дневник, нельзя не восхищаться его оптимизмом и жизнелюбием. Несмотря на ежедневную, ежечасную угрозу обитателям убежища быть раскрытыми, Анна пишет в дневнике: «Для меня совершенно невозможно строить свой мир, основываясь на смерти, безвыходности и хаосе. Да, мир всё больше превращается в пустыню, всё громче раскаты грома, который нас убьёт, да, велико горе миллионов людей, и всё же, когда я смотрю на небо, я думаю, что всё обернется к лучшему, что эта жестокость прекратится, что в мир вернутся покой и тишина. А я должна до тех пор сохранить свои идеалы, как знать, возможно, в грядущие времена ещё удастся претворить их в жизнь» (с. 292).

И апофеозом звучит её сокровенное желание: «Я хочу приносить пользу или радость людям, окружающим, но не знающим меня, я хочу продолжать жить и после смерти».

Желание Анны Франк исполнилось: она продолжает жить после смерти и приносить пользу людям.

Подтверждением может, в частности, служить поток откликов рядовых читателей на книгу. Если в GOOGLE набрать «Рецензии на «Дневник Анны Франк», можно прочитать сотни отзывов. Большинство из них дышит любовью к этой удивительно талантливой девочке, глубокой печалью о её безвременной насильственной смерти.

Вот несколько из этих отзывов русских читателей.

«От этих страниц веет зеленью, чистотой, юностью, терпкой любовью... тем, что есть квинтэссенция жизни. Жаль только, что всё так быстро и так трагически кончается».

«Когда читаешь дневник Анны, не можешь поверить, что автор – 15-летняя девушка... Её мысли очень хороши, продуманны, она прекрасно разбирается в людях».

«Анна – сильная и не по годам взрослая девушка. Несмотря на то, что она главные подростковые годы провела в Убежище и многие её рассуждения кажутся наивными, она смогла много узнать, изучить, прожить и сложить обо всём свое собственное мнение. Она многого достигла бы в жизни, если бы не... От этого ещё больше».

«Резкий обрыв дневника – это страшно. И на протяжении всей книги безумно хотелось протянуть ей руку помощи и вытащить её оттуда...».

«Интересное, эмоциональное сильное произведение... его интимность, эмоциональное переживание делает сходным этот дневник с поэтическими произведениями».

«Анна Франк – один голос для миллионов. У девочки были мечты и надежды, но этот чёртов геноцид уничтожил всё. Все эти мысли, каждая строчка, ты дышишь книгой, книга дышит тобой, это взаимодействие, симбиоз, чувствуешь, и вот здесь что-то побаливает. Как бы я хотела, чтобы она выжила...».

Дневник Анны Франк издан на 67 языках. К концу 80-х годов было выпущено 16 миллионов экземпляров. Я просмотрел множество рецензий англоязычных читателей. Суть их та же.

Приведу лишь одну из них: «Когда Анна Франк села за свой дневник, она не могла даже себе представить, какое воздействие окажут её слова на поколения читателей».

Анна погибла мучительной смертью, но всей своей жизнью и чудесным творчеством она победила смерть.

Источники

1. Анна Франк. Убежище. Дневник в письмах. М.: ТЕКСТ*ЛЕХАИМ, 2007, ст. 17. В дальнейшем ссылки на эту книгу даются в тексте статьи.
2. Anne Frank. The Diary of a Young Girl. Introduction of Eleanor Roosevelt. – New York: Bantam Books, 1993.